

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2022.71.12.007

Молодежь как метонимия в европейских исследованиях**Старкин Сергей Валерьевич**

Доктор политических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
603950, Российская Федерация, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23;
e-mail: starkinserge@mail.ru

Приписнова Елена Сергеевна

Кандидат политических наук, доцент,
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
603950, Российская Федерация, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23;
e-mail: politnn@imomi.unn.ru

Аннотация

В настоящей статье осуществлен анализ исследований европейской молодежной политики. Предметом исследования являются основные тенденции и функционирование моделей государственной молодежной политики и молодежных переходов в работах европейских исследователей. Актуальность исследования продиктована тем, что государственная молодежная политика должна быть ориентирована на восприимчивость новшествам и модернизациям общества. В России же она не имеет достаточных традиций и опыта эффективного функционирования. Методологическую основу исследования составили анализ и синтез, институциональный, системный и сравнительные подходы. На основании изученного материала авторы приходят к выводам, что при рассмотрении стратегий молодежных переходов необходимо учитывать несколько институциональных сфер, таких как тип социально-направленного государства и специфику перехода от учебы к работе. Взаимодействие этих стратегий дает разные модели молодежных переходов. Данные исследования подчеркивают важные межнациональные различия в зависимости от режимов распределения социальной помощи, типов капитализма, а также стратегий роста.

Для цитирования в научных исследованиях

Старкин С.В., Приписнова Е.С. Молодежь как метонимия в европейских исследованиях // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 2А. С. 83-92. DOI: 10.34670/AR.2022.71.12.007

Ключевые слова

Молодежная политика, молодежные переходы, метонимия, «седая сила», социальное государство, европейские государства, социальное обеспечение.

Введение

Молодежи и, соответственно, молодежной политике традиционно уделяется значительное место в европейском исследовательском дискурсе. Учеными рассматривается целый пласт соответствующих вопросов. Так, экономисты анализируют безработицу среди молодежи; социологи создали особую субдисциплину «социология молодежи», доказывая, что переход к взрослой жизни отсрочен и меняет форму, продлевая период жизни, называемый «молодость»; представители политологических специальностей также начали учитывать эту трансформацию жизненного пути.

Предметом исследования являются основные тенденции и функционирование моделей государственной молодежной политики и молодежных переходов в работах европейских исследователей.

Актуальность исследования продиктована тем, что с точки зрения перспективы, государственная молодежная политика должна быть ориентирована на восприимчивость новшеств и модернизациям общества. Несмотря на определенные различия в жизненном укладе и мировосприятии российской и европейской молодежи, по ряду параметров между упомянутыми группами имеется много общего. И, исследуя и выявляя закономерности развития молодежи как социального слоя в Европе, политику государства по отношению к молодому поколению, можно перенять положительный опыт и избежать ошибок в молодежной политике. т.к. данная политика государства в России не имеет достаточных традиций и опыта эффективного функционирования. Также надо отметить, что вопрос о необходимости изучения феномена молодежных переходов никогда не ставился. Актуальным и своевременным является и то, что до сих пор не выработано общепринятого взгляды способы изучения данных переходов.

Методологическую основу исследования составили институциональный, системный и сравнительные подходы. Социально-политическое отражение предмета исследования продиктовало своеобразие избранной методологии. Основываясь на необходимости рассмотрения моделей молодежной политики, мы использовали в качестве основных следующие методы. 1. Метод компаративного анализа, на основании которого проводился анализ разных методов изучения молодежной политики. 2. Метод ретроспективного анализа. 3. Формально-логический метод определения понятий. 4. Культурно-исторический метод, который позволил исследовать изменения социальных слоев внутри государства в целом. Итогом использования этих методов стал анализ и синтез полученных данных.

Исследования европейских ученых либо фокусируются на одной стране, либо пытаются определить структурные тенденции и выделяют сходства между странами. Однако ряд исследователей показали важность национальных особенностей, когда речь идет о молодежных переходах: в разных странах молодые люди вступают во взрослую жизнь по-разному, и это отчасти связано с различной организацией политических институтов [Van de Velde, 2008]. Мы рассматриваем работы, анализирующие это институциональное разнообразие с точки зрения сравнительной политики. Стратегии молодежных переходов касаются множества секторов (социальной защиты, образования, рынка труда, поддержки студентов). Их характер и координация сильно диверсифицированы по странам.

Кроме того, различные исследователи пытались проанализировать стратегии, структурирующие молодежные переходы. Во-первых, сравнительная литература по социально-направленному государству попыталась учесть проблему возраста в целом и молодежи в частности. Во-вторых, литература по педагогике и переходу от учебы к работе предлагает

интересные идеи, касающиеся так называемых режимов формирования навыков. В-третьих, некоторые исследования пытались сочленить эти два направления, чтобы проанализировать «модели молодежных переходов» как таковые.

«Молодежные исследования», начиная с 1990-х гг., построены вокруг трех вопросов. Во-первых, является ли «молодежь» корректной категорией для анализа общества? Актуально ли анализировать общество сквозь призму возраста? Одни исследователи утверждали, что молодежь следует считать отдельной частью населения, другие настаивали на неравенстве между поколениями, утверждая, что молодежь неоднородна – используя идею П. Бурдьё о том, что «молодежь – всего лишь слово» [Bourdieu, 1980]. Во-вторых, если возраст действительно актуален, является ли он эффектом «жизненного цикла» или эффектом «возрастной группы»? Влияет ли этот вопрос на изучение неравенства внутри и между поколениями? В-третьих, какова для молодежи роль действия и структуры? Ряд исследований анализировали опыт, образ жизни, субкультуры и действия молодежи, а другие изучали экономические условия, в которых живет молодежь.

Следует отметить, что в так называемую индустриальную эпоху жизненный путь человека проходил три периода: детство (с внедрением систем массового образования), взросление (рабочий отрезок пути), и старость (при условии создания пенсионных систем). Такая структура получила наименование «деление жизненного пути на три части» [Mayer, 1989]. Однако, начиная с 1970-х гг., категория жизненного пути претерпела глубокие изменения, повлиявшие на традиционное тройное членение. Что касается перехода из детства во взрослую жизнь, прежде люди вступали в нее постепенно и плавно, однако распространение образования и сложности трудоустройства значительно усложнили этот переход, что привело к возникновению «нового жизненного этапа», называемого «молодость» и находящегося между детством и периодом взрослости.

Фактически, к появлению «молодости» в качестве жизненного этапа привели три тенденции: перенос на более поздний срок возраста, когда проходят разные пороги вступления во взрослую жизнь (получение образования, выход на работу, уход из родительского дома, создание пары и появление ребенка); разъединение этих переходов во времени и их обратимость [Lesnard, 2016]. Такие трансформации стали называть «неустойчивыми» или «молодежными» переходами [Walther, 2006].

Политика молодежных переходов

Для определения причин разнообразия переходов, перейдем к политике этих переходов. Здесь можно выявить два подхода. С одной стороны, возрастная ориентация стратегий зависит от возрастной политики: чем меньше молодые люди участвуют в политической жизни, тем менее благоприятной политика будет для молодежи. С другой стороны, очевидно, что молодежные переходы не зависят от возрастной политики, а отражают более общую стратификацию общества. В этом подходе молодежь уже не просто слово, а «метонимия».

В «молодежных» исследованиях велись дискуссии о молодости, как особом периоде жизни в сравнении с другими возрастами. Некоторые ученые утверждают, что возраст следует считать новым классом, а другие полагают, что молодые люди на самом деле разделены по классовому признаку и другим более общим критериям [France, 2016].

Позиция о возрасте как классе подразумевает, что, «социальное государство в защиту старых» будет зависеть от раскола между молодыми и старыми и от так называемой «седой

силы». Две структурные тенденции будут все сильнее стимулировать стратегию «защиты старых». С одной стороны, демографическая эволюция и старение общества: возрастные группы бэби-бума уходят на пенсию, а новые возрастные группы становятся меньше. В результате новые возрастные группы по определению менее многочисленны, а значит менее влиятельны, и не только с чисто демографической позиции, но и с точки зрения ресурсов. Фактически, старшие поколения сконцентрировали экономические ресурсы, усиливая неравенство между поколениями [Chevalier, 2016]. Многие исследователи утверждают, что экономическое положение решающим образом влияет на формирование политики [Gilens, 2012]. Впоследствии эти поколения, вероятно, станут более влиятельными в политическом плане, поскольку они состоятельнее, чем молодые поколения.

С другой стороны, неравенство в политическом влиянии еще больше усиливается из-за ценностей, которых придерживаются новые поколения, что приводит к трансформации их политического участия. Считается, что политики представляют своих избирателей, а поэтому ведут курс, соответствующий их предпочтениям: так называемое «долговое представительство» [Mansbridge, 2003]. Та же логика применима к другим представительным организациям, играющим роль в разработке политики, например, профсоюзам. Однако новые поколения по-другому относятся к политике, они меньше доверяют и институтам, и политикам [Norris, 2011]. В итоге их «традиционное» политическое участие – членство в профсоюзе или политической партии, голосование – ослабевает. Например, молодые люди голосуют меньше и участвуют в политике не так, как пожилые [Goerres, 2009]. Это одновременно влияние возрастной группы и влияние жизненного цикла. Кроме того, средний возраст членов профсоюзов и парламентов довольно высок, что снижает вероятность решений, ориентированных на молодежь [Bonoli, 2010].

Это не значит, что молодое поколение не интересуется политикой, но изменились их предпочтения, ценности и то, каким образом они транслируют свой выбор. Во-первых, с точки зрения подходов к социальному распределению, молодые люди предпочли бы, чтобы государство выделяло больший бюджет на образование и социальную помощь, то есть вело политику в интересах молодежи, а не на здравоохранение и пенсии, которые приносят пользу пожилым. И влияние возраста на эти предпочтения даже сильнее, чем влияние дохода. Этот новый политический раскол привел к развитию так называемых «серых партий», представляющих пожилых людей. Тем не менее, влияние возраста на отношение к социальному распределению остается до конца неясным.

Во-вторых, если отношение к социальному распределению связано с традиционным экономическим расколом, электоральная социология подчеркивает возникновение второго «культурного» измерения на политической арене из-за «тихой революции» в замене поколений и «постматериализма». На политические взгляды и предпочтения молодых все больше и больше влияют культурные, а не экономические ценности [Tiberj, 2017]. Однако Н. Маггини утверждает, что постматериалистические ценности не объясняют разницу в голосовании молодых и пожилых, хотя наблюдается снижение классового разделения между ними [Maggini, 2017]. Стратегии молодежных переходов касаются скорее экономического, а не культурного раскола, и на них может влиять эта структурная тенденция: необходимо дополнительно исследовать влияние трансформации индивидуальных политических предпочтений на политические результаты, а также обратную связь между молодежной политикой и политическими установками молодых людей, объединив политическую социологию и анализ стратегий, который пока недостаточно развит.

В-третьих, если традиционное политическое участие молодых ослабло, то с нетрадиционной ситуацией несколько иная: они больше протестуют, подписывают петиции, участвуют в демонстрациях. Однако эти типы политического участия гораздо меньше влияют на политиков, чем традиционные, хотя влияние мобилизации на политические решения необходимо исследовать дополнительно.

Упомянутые структурные тенденции приводят к выработке политических курсов, которые по своей структуре ориентированы на пожилых граждан. Тем не менее, такие аргументы нуждаются в эмпирической проверке, они не полностью учитывают разнообразие режимов молодежных переходов: аргумент о «седой силе» касается сходства между странами, а не проблемы межнационального разнообразия. Иными словами, обязательно ли «несбалансированные» режимы социальной защиты в пользу пожилых людей отражают возрастную политику и доминирование старшего поколения или возраст теряет какое-либо причинное значение при проверке фактов по другим параметрам?

Молодежь как метонимия

Многие исследования, хотя и признают важность возраста в предпочтениях и политическом участии, подчеркивают, что никакой «седой силы» нет, а влияние возраста сильно зависит от контекста [Vanhuysse, 2015]. Предпочтения пожилых людей основаны не только на личных интересах (а это предположение лежит в основе гипотезы «седой силы»), но и на ощущении межпоколенческой солидарности, которое зависит от макроконтекста.

М. Тепе и П. Ванхайсе верифицировали влияние общего старения общества на размер социальных программ и размер пенсий в 18 странах Организации экономического сотрудничества и развития. Исследователи показали, что нет данных, говорящих о некой «геронтократии» [Тепе, 2010]. Тем не менее, ученые выявили важный посреднический эффект режимов социальной защиты, а также финансовой дисциплины в эпоху бюджетного дефицита. Тот же результат М. Тепе и П. Ванхайсе видят для эволюции расходов на социальное обеспечение и степень покрытия новых социальных рисков: не существует «предпочтений в пользу пожилых», которые могло вызвать общее старение населения, а режимы социального обеспечения (при появлении новых социальных рисков) действительно имеют важное значение. При этом страны Северной Европы активнее занимаются новыми рисками по сравнению с южными странами. Следовательно, эти исследования подтверждают, что обратная связь влияет на политику социального обеспечения. Однако ее влияние неодинаково в разных странах, поскольку оно не всегда в пользу пожилых: на деле оно зависит от специфики организации социального обеспечения.

Если возрастная политика и гипотеза об уклоне в сторону пожилого поколения не объясняют того, что им отдается предпочтение при распределении, то что же поможет объяснить это явление? Предыдущие исследования, особенно об «обратной связи в политике», настаивают на макроконтексте и моделях социального обеспечения. Однако остаются вопросы, каким образом и почему модели социального обеспечения влияют на возрастную ориентацию политики и молодежные переходы. При этом следует учесть тот факт, что данные модели не зависят именно от возрастного баланса социально-направленного государства.

Данное явление объясняется двумя основными характеристиками моделей социального обеспечения: того, как государство защищает так называемых «аутсайдеров» и людей, имеющих сложности на рынке труда; и того, как государство относится к семье. Во-первых,

исследования о социально-направленном государстве показывают, что молодежь с большей вероятностью подвержена новым рискам или попадет в группу аутсайдеров. Д. Линч утверждает, что страны, ориентированные на молодежь – это государства, «основанные на гражданстве». Однако она признает, что данный аргумент обусловлен стечением обстоятельств: государства, основанные на гражданстве, более лояльны к молодежи только потому, что увеличивают расходы на выплаты аутсайдерам и людям, имеющим затруднения на рынке труда, а сейчас это именно молодые, чего не было, например, после Второй мировой войны [Lynch, 2006]. В то время аутсайдерами были пожилые, и тот тип социального государства был ориентирован, главным образом, на них. С. Бирнбаум с соавторами идут еще дальше в этой логике, утверждая, что чем более всеобъемлющим является социально-направленное государство (т.е. чем ближе оно к североевропейскому «социал-демократическому» режиму распределения), тем оно более сбалансировано и ориентировано на молодежь. Следовательно, необходимо выявить решающее различие между социально-направленным государством по Бевериджу, т. е. государством, «основанным на гражданстве» и социально-направленным государством по Бисмарку, т. е. «основанном на профессии», причем в последнем разница между передовыми членами общества и аутсайдерами сильнее, чем в первом [Emmenegger, 2012].

Различие между этими двумя типами социально-направленного государства проявляется и в статусе семьи. В «бисмарковских» государствах важную роль играет христианская демократия. Социальная доктрина католицизма и ее принцип принятия решений на низком уровне привели к тому, что огромное внимание стало уделяться институту семьи. Социальное гражданство тесно с ней связано. Как говорилось выше, такой упор на семью определяет способы доступа молодежи к социальной помощи. Поэтому, чтобы объяснить, почему социально-направленное государство больше ориентировано на молодежь в смысле доступа к социальной помощи, нужно рассмотреть картину социальной помощи целиком: Молодежь здесь всего лишь «метонимия», она является частью общества и отражает общую логику режима в целом. А чтобы объяснить разницу в режимах социальной защиты между странами, следует рассматривать партийную политику и такие факторы, как силу социал-демократических и христианско-демократических партий.

И все же знаний о социально-направленном государстве недостаточно для понимания молодежных переходов. Как уже упоминалось, важен переход от учебы к работе, то есть система образования, регулирование рынка труда и активные стратегии на этом рынке. Если считать понятие «молодежь» метонимией, нужно учитывать общий экономический контекст и процесс принятия политических решений, чтобы понять, как устроен переход от учебы к работе. Во-первых, многие авторы настаивают на важности профессионального образования в объяснении безработицы среди молодежи и структуры перехода от учебы к работе [Breen, 2005]. Что важно для работодателей и какие навыки создаются в системе образования? Ответ зависит от конкретного «типа капитализма», который присутствует в стране. Производственные стратегии фирм зависят от специфики навыков: обрабатывающей промышленности нужны конкретные навыки и развитое социально-направленное государство, которое обеспечивает «скоординированную рыночную экономику». Сфера услуг готова использовать общие навыки, которые не требуют развитого социального государства, что в конечном итоге ведет к «либеральной рыночной экономике». Вот почему в условиях скоординированной рыночной экономики система формирования навыков основана на профессиональном образовании, как в Германии, что сглаживает переход от учебы к работе, а либеральные рыночные экономики

(Великобритания или США) для расширения доступа молодежи к рабочим местам пытаются повышать гибкость рынка труда.

У исследователей возникает вопрос о менее либеральных и более скоординированных экономиках, которые не полагаются на профессиональное образование (Франция или Швеция), и где имеет место «статистическая» система формирования навыков [Bussemeyer, 2012]. Часть ученых утверждает, что режимы формирования навыков зависят от партийной политики [Bussemeyer, 2015]. Другие предполагают, что на молодежные переходы также влияют «стратегии роста» [Chevalier, 2016]. Фактически рост может быть основан либо на спросе (через высокую заработную плату или частный долг), либо на экспорте. Чтобы стратегически ориентироваться на экспорт, компании должны быть высококонкурентными на мировых рынках, специализироваться на производстве высококачественной продукции с высокой добавленной стоимостью (так называемое «диверсифицированное качественное производство»). И такая специализация среди прочего зависит от уровня «макрокорпоративизма»: когда группы производителей (профсоюзы и работодатели) в достаточной степени централизованы, представлены во власти и вовлечены в формирование политики, работодатели могут координировать свои действия, чтобы вести «диверсифицированное качественное производство». Такая экономическая специализация опирается на высококвалифицированную рабочую силу, которая возможна только при инклюзивном экономическом гражданстве и стратегии верховенства обучения, как в Швеции или Германии. При этом в двух странах разные основные секторы экономики, что объясняет различия в системе образования: Швеция экспортирует динамичные услуги, что требует высоких общих навыков и упора на высшее образование; Германия экспортирует промышленные товары, что требует профессиональных навыков среднего уровня, вырабатываемых системой профобразования. Напротив, когда макрокорпоративизм не развит, группы производителей не могут координировать свою деятельность и специализироваться на высококачественном экспорте, а рост обусловлен спросом, как в Великобритании или странах Средиземноморья. Основной сектор экономики все равно будет влиять на институциональные характеристики системы образования, поскольку развитие «динамических услуг», финансовых, страховых и в сфере недвижимости требует высоких общих навыков, а значит развития высшего образования, как в Великобритании [Ansell, 2013]. Когда промышленность остается доминирующим сектором экономики, нет необходимости в таком расширении высшего образования, как происходит, например, в Италии.

Заключение

Таким образом, мы рассмотрели различные стратегии, структурирующие переход к взрослой жизни: чтобы объяснить разные модели молодежных переходов, необходимо учитывать несколько институциональных сфер, такие как тип социально-направленного государства и специфику перехода от учебы к работе. Взаимодействие этих стратегий дает разные модели молодежных переходов. Хотя многие европейские исследователи утверждают, что возрастная политика важна в этом отношении в силу старения общества и роста «седой силы», большинство работ, посвященных этому вопросу, фактически опровергают гипотезу уклона в пользу пожилых: эти исследования подчеркивают важные межнациональные различия в зависимости от режимов распределения социальной помощи, типов капитализма, а также стратегий роста. В мы заключаем, что молодежь следует рассматривать, как «метонимию»: она

является частью общества в целом, и, следовательно, чтобы понять, как она переходит во взрослую жизнь, нужно видеть полную институциональную, политическую и экономическую картину. В целом, можно предположить, что исследование «молодежной политики» нуждается в заполнении определенных лакун и ответе на ряде актуальных вопросов:

Во-первых, какова эволюция молодежных стратегий? Большая часть литературы говорит о давно устоявшихся механизмах, в то время как на деле происходят некоторые структурные реформы, например, внедрение Молодежных гарантий во Франции. Как объяснить такие реформы? Мало изучена роль политических партий в разработке молодежной политики: влияют ли они на такие реформы? Если да, то каково это влияние?

Во-вторых, во многих исследованиях имеется расхождение между эффектом жизненного цикла и эффектом возрастной группы, либо потому, что эти два эффекта теоретически неразличимы, либо потому что их нельзя разделить эмпирически. Повлияет ли более систематическое разделение на анализ молодежной политики?

В-третьих, большинство исследований либо берут лишь одну страну, либо анализируют сходства между странами применительно к эффекту возрастной группы. Тем не менее, остаются две проблемы: почему эффект возрастной группы занимает первое место? Различается ли этот эффект по странам, и если да, то почему? Рассмотрение макроэкономического контекста (экономического, культурного или институционального), вероятно, позволит решить эти проблемы.

В-четвертых, исследование роли политических последствий структурных преобразований: новые поколения должны быть более дерзкими и инициативными в политическом плане. Каковы политические последствия этой структурной тенденции? Способствует ли это росту популизма, который отчасти опирается на недоверие молодежи по отношению к политическим институтам?

Очевидно, что поставленные западными авторами вопросы ждут своего исследователя в России, который сможет использовать методологию, эмпирическую и теоретическую базу, наработанную предшественниками.

Библиография

1. Ansell B.W., Gingrich J. A tale of two trilemmas: Varieties of higher education and the service economy // *The political economy of the service transition*. Oxford, 2013. P. 195-224.
2. Bonoli G. The political economy of active labor-market policy // *Politics and Society*. 2010. № 38. P. 435-457.
3. Bourdieu P. *Questions de sociologie*. Paris, 1980. P. 143-154.
4. Breen R. Explaining cross national variation in youth unemployment. Market and institutional factors // *European Sociological Review*. 2005. № 21. P. 125-134.
5. Busemeyer M.R. *Skills and inequality. Partisan politics and the political economy of education reforms in Western welfare states*. Cambridge, 2015. 309 p.
6. Busemeyer M.R., Trampusch C. *The political economy of collective skill formation*. Oxford, 2012. URL: <https://dnb.info/1192215990/34>
7. Chevalier T. Varieties of youth welfare citizenship. Towards a two-dimension typology // *Journal of European Social Policy*. 2016. № 26. P. 3-18.
8. Emmenegger P., Husermann S., Palier B., Seeleib-Kaiser M. The age of dualization: The changing face of inequality in deindustrializing societies. Oxford, 2012. 352 p.
9. France A., Threadgold S. Youth and political economy: Towards a Bourdieusian approach // *Journal of Youth Studies*. 2016. № 19. P. 612-628.
10. Gilens M. *Affluence and influence. Economic inequality and political power in America*. Princeton, 2012. 352 p.
11. Goerres A. *The political participation of older people in Europe. The Greying of our democracies*. London, 2009. 234 p.
12. Lesnard L. et al. Do transitions to adulthood converge in Europe? An optimal matching analysis of work–family

-
- trajectories of men and women from 20 European countries // *European Sociological Review*. 2016. № 32. P. 355-369.
13. Lynch J. Age in the welfare state: The origins of social spending on pensioners, workers, and children. Cambridge, 2006. 223 p.
 14. Mayer K.U., Schoepflin U. The state and the life course // *Annual Review of Sociology*. 1989. № 15. P. 187-209.
 15. Maggini N. Young people's voting behaviour in Europe: A comparative perspective. London, 2017. 145 p.
 16. Mansbridge J. Rethinking representation // *American Political Science Review*. 2003. № 97. P. 515-528.
 17. Norris P. Democratic deficit: Critical citizens revisited. Cambridge, 2011. 334 p.
 18. Tepe M., Vanhuyse P. Elderly bias, new social risks and social spending: Change and timing in eight programmes across four worlds of welfare, 1980-2003 // *Journal of European Social Policy*. 2010. № 20. P. 217-234.
 19. Tiberj V. Les citoyens qui viennent: Comment le renouvellement generationnel transforme la politique en France. Paris, 2017. 286 p.
 20. Van de Velde C. Devenir Adulte: Sociologie comparee de la jeunesse en Europe. Paris, 2008. 278 p.
 21. Vanhuyse P. Aging electorates, intergenerational fairness and pro-elderly policy bias: A survey of research in comparative politics // *E-Publica*. 2015. № 2. P. 99-108.
 22. Walther A. Regimes of youth transitions: Choice, flexibility and security in young people's experiences across different European contexts // *Young*. 2006. № 14. P. 119-139.

Youth as a metonymy in European studies

Sergei V. Starkin

Doctor of Political Science, Professor,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
603950, 23, Gagarina ave., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: starkinserge@mail.ru

Elena S. Pripisnova

PhD in Political Science, Associate Professor,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
603950, 23, Gagarina ave., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: politnn@imomi.unn.ru

Abstract

The polyetiological research presented in this article analyzes the research of European youth policy. The subject of the study is the main trends and functioning of models of state youth policy and youth trends in the works of European researchers. The relevance of the research is dictated by the fact that the state youth policy should be oriented towards receptivity to innovations and modernization of society. In Russia, it does not have sufficient traditions and experience of effective functioning. The methodological basis of the study was analysis and synthesis, institutional, systemic and comparative approaches. Based on the studied material, the authors conclude that when considering youth transition strategies, it is necessary to take into account several institutional areas, such as the type of socially-oriented state and the specifics of the transition from study to work. The interaction of these strategies gives different models of youth transitions. These studies highlight important interethnic differences depending on the modes of distribution of social assistance, types of capitalism, as well as growth strategies. The authors conclude that, obviously, the questions posed by Western authors are waiting for their researcher in Russia, who will be able to use the methodology, empirical and theoretical base developed by his predecessors.

For citation

Starkin S.V., Pripisnova E.S. (2022) Molodezh' kak metonimiya v evropeiskikh issledovaniyakh [Youth as a metonymy in European studies]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (2A), pp. 83-92. DOI: 10.34670/AR.2022.71.12.007

Keywords

Youth policy, youth transitions, metonymy, “gray power”, welfare state, European states, social security.

References

1. Ansell B.W., Gingrich J. (2013) A tale of two trilemmas: Varieties of higher education and the service economy. In: *The political economy of the service transition*. Oxford.
2. Bonoli G. (2010) The political economy of active labor-market policy. *Politics and Society*, 38, pp. 435-457.
3. Bourdieu P. (1980) *Questions de sociologie*. Paris.
4. Breen R. (2005) Explaining cross national variation in youth unemployment. Market and institutional factors. *European Sociological Review*, 21, pp. 125-134.
5. Busemeyer M.R. (2015) *Skills and inequality. Partisan politics and the political economy of education reforms in Western welfare states*. Cambridge.
6. Busemeyer M.R., Trampusch C. (2012) *The political economy of collective skill formation*. Oxford. Available at: <https://d-nb.info/1192215990/34> [Accessed 12/12/2021]
7. Chevalier T. (2016) Varieties of youth welfare citizenship. Towards a two-dimension typology. *Journal of European Social Policy*, 26, pp. 3-18.
8. Emmenegger P., Husermann S., Palier B., Seeleib-Kaiser M. (2012) *The age of dualization: The changing face of inequality in deindustrializing societies*. Oxford.
9. France A., Threadgold S. (2016) Youth and political economy: Towards a Bourdieusian approach. *Journal of Youth Studies*, 19, pp. 612-628.
10. Gilens M. (2012) *Affluence and influence. Economic inequality and political power in America*. Princeton.
11. Goerres A. (2009) *The political participation of older people in Europe. The Greying of our democracies*. London.
12. Lesnard L. et al. (2016) Do transitions to adulthood converge in Europe? An optimal matching analysis of work–family trajectories of men and women from 20 European countries. *European Sociological Review*, 32, pp. 355-369.
13. Lynch J. (2006) *Age in the welfare state: The origins of social spending on pensioners, workers, and children*. Cambridge.
14. Mayer K.U., Schoepflin U. (1989) The state and the life course. *Annual Review of Sociology*, 15, pp. 187-209.
15. Maggini N. (2017) *Young people's voting behaviour in Europe: A comparative perspective*. London.
16. Mansbridge J. (2003) Rethinking representation. *American Political Science Review*, 97, pp. 515-528.
17. Norris P. (2011) *Democratic deficit: Critical citizens revisited*. Cambridge.
18. Tepe M., Vanhuyse P. (2010) Elderly bias, new social risks and social spending: Change and timing in eight programmes across four worlds of welfare, 1980-2003. *Journal of European Social Policy*, 20, pp. 217-234.
19. Tiberj V. (2017) *Les citoyens qui viennent: Comment le renouvellement generationnel transforme la politique en France*. Paris.
20. Van de Velde C. (2008) *Devenir Adulte: Sociologie comparee de la jeunesse en Europe*. Paris.
21. Vanhuyse P. (2015) Aging electorates, intergenerational fairness and pro-elderly policy bias: A survey of research in comparative politics. *E-Publica*, 2, pp. 99-108.
22. Walther A. (2006) Regimes of youth transitions: Choice, flexibility and security in young people's experiences across different European contexts. *Young*, 4, pp. 119-139.